

УДК 321.011
ББК 66.4 (051), 62

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ
В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

**TO THE ISSUE OF THE
DEVELOPMENT OF POLITICAL
COMMUNICATIONS IN THE STATES
OF CENTRAL ASIA**

Шахноз Беназир,
соискатель Института философии,
политологии и права им. А.Баховаддинова
Академии наук Республики Таджикистан

Shakhnoz Benazir, claimant for candidate
degree of the Institute of Philosophy,
Politology and Law named after A.
Bahovaddinov under Tajikistan Academy of
Sciences (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: Shahnoz2000@hotmail.com

Ключевые слова: политическая коммуникация, государства Центральной Азии, демократический транзит, неоавторитарные трансформации, адаптированная демократическая система, коммуникационное пространство, обратная связь

В статье раскрываются общие и особенные характеристики развития политической коммуникации в суверенных государствах Центральной Азии а также основные факторы, определяющие состояние политической коммуникации и закономерности ее политико-правовых параметров. Изложены точки зрения исследователей демократизации в новых суверенных государствах и медиа-ландшафта этого процесса, сопровождающего процесс политической коммуникации.

Key words: political communication, the states of Central Asia, democratic transits, neo-authoritarian transformation, adapted democratic system, communication space, feedback

In his article the author discloses general and peculiar characteristics of political communication development in sovereign states of Central Asia and also the principal factors determining the state of political communication and the regularities of its politico-legal parametres. He expounds viewpoints of the researchers of democratization in new sovereign states and the media-landscape of this process accompanying the process of political communication.

Специфика сложившихся политических коммуникаций в государствах Центральной Азии в значительной мере обусловлена характером произошедшей в этом регионе системной социально-политической трансформации в конце XX-начале XXI веков.

Данные процессы включали в себя не только становление государственности, но и одновременно поиск новых идеологических парадигм. Причем протекали они не в виде поэтапных эволюционных преобразований и реформ, а в условиях фактически одномоментного крушения единого федеративного государства, отказа от доминировавшей в течение десятилетий социалистической идеологии и основанных на ней концепций общественного устройства и правовой регламентации социальных отношений. Дополнительное негативное воздействие на социально-политическую ситуацию оказывало

критическое состояние экономики в тот период в большинстве Центральноазиатских стран, обусловленное разрывом народнохозяйственных связей на постсоветском пространстве.

В отмеченных условиях, после обретения суверенитета, наблюдался процесс революционной перестройки всей политической системы и, соответственно, формирование нового типа политических коммуникаций.

Практически все новые независимые страны охватил процесс демократического транзита, всеми государствами Центральной Азии был избран политический курс на внедрение демократических институтов и ценностей, создание необходимой нормативной правовой базы для равномерного соотношения прямых и обратных связей в политической коммуникации. Вместе с тем, историческая обстановка, отсутствие опыта строительства демократического общества, ориентированность политической и правовой культуры населения на традиционалистский уклад жизни и, в целом, сложность в сжатые сроки полноценной адаптации всего комплекса демократических институтов и норм, разработанных для государств Запада и свойственных им, вызвали различия в качественных параметрах как политических систем центральноазиатских стран, так и политической коммуникации в них.

Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в наиболее интенсивном режиме осуществили имплементацию в национальное законодательство международных правовых норм и стандартов, способствующих формированию гражданского общества, развитию политических коммуникаций в направлении расширения обратной связи. Туркменистан сконцентрировал усилия на максимальном укреплении директивных начал в политической коммуникации. Узбекистан также уделил большое внимание совершенствованию элементов политической системы, обеспечивающих эффективность, главным образом, прямой связи в политической коммуникации, хотя, в отличие от Туркменистана, сохранил поступательные темпы адаптации демократических институтов, поддерживающих отношения обратной связи в политической коммуникации в строго заданном ареале.

В целом, несмотря на имеющиеся различия, в государствах Центральной Азии за последние десятилетия создана правовая основа, закрепившая специфический постсоветский тип политической коммуникации, сочетающий в себе черты, характерные для командно-административной советской и адаптированной демократической системы. Ее отличительной особенностью на современном этапе является достаточно высокий удельный вес прямой связи и последовательная разработка инструментария для устранения возможных дисфункциональных отклонений в деятельности политической системы, обеспечения ее стабильности и легитимации властных институтов.

При этом директивность принятия решений сочеталась с разработкой нормативной базы, ориентированной на исключение дисфункциональных факторов. Ожидания эволюционного сложения самоорганизационных характеристик и механизмов политической системы могли иметь весьма пролонгированный характер, что в тех условиях было угрожающим. Поэтому демократический транзит инициировался более импульсами правовых изменений.

Парадигма «демократического транзита» в целом ориентируется на векторное, линейное развитие стран с посттоталитарными режимами, при котором в «переходных» странах неизбежно движение через типологически универсальные стадии демократизации: эрозия и распад авторитаризма, режимная либерализация, институциональная

демократизация, этап неконсолидированной демократии и, наконец, демократическая консолидация. Соответственно, процесс политической коммуникации на каждом этапе предполагает также использование адекватных механизмов, что требует нормативного (законодательного) основания.

Как отмечает А.Ю. Мельвиль, «сегодня, однако, очевидно, что современное политическое развитие может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, скажем, политические институты и политические процессы в Чехии и Туркменистане, Словении и Таджикистане, Белоруссии и Эстонии и т. д. ... Во всех («южных» и «восточных») странах «третьей волны» складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других – такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих — формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности авторитарного правления. Сам феномен современных неоавторитарных трансформаций, как и вообще беспрецедентные различия в результатах режимных изменений, ставят перед политологическим сообществом фундаментальную задачу существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии с учетом разновекторного характера современных политических трансформаций» (6, с. 123-124).

В этой связи можно выделить ряд основных факторов, определяющих состояние политических коммуникаций в странах Центральной Азии и закономерности их политико-правовых параметров:

- ключевое значение в политической коммуникации имеет деятельность органов государственной власти, задающих конфигурацию, интенсивность и характер коммуникационных процессов;
- формирование гражданского общества и дееспособной системы его институтов находится на стадии развития и поиска оптимальных форм эффективного сотрудничества с властными структурами в политической сфере и при решении вопросов управленческой деятельности;
- у большей части населения отсутствует опыт участия в обсуждении и принятии управленческих решений, выражении собственной гражданской позиции, имеет место недостаточный уровень политической и правовой культуры, высокая степень политической инертности общества;
- немаловажное значение имеют особенности ментальности центральноазиатских народов, сильное влияние национальных и религиозных традиций и обычаев, формировавшихся на протяжении тысячелетий в условиях «восточной деспотии», сакрализации власти лидера, жестких иерархических связей, не свойственных западным обществам с развитой демократией;
- учитывается геополитический контекст внутривнутриполитических процессов, вызывающий опасение попыток манипулирования сознанием населения со стороны внешних сил;
- сказывается негативное влияние регионально-клановых противоречий среди политических элит, продуцирующих потенциал социальной напряженности и угрозу возникновения деструктивных процессов в обществе.

Учет указанных факторов необходим для выявления особенностей политической коммуникации в каждом конкретном центральноазиатском государстве, поскольку связи и взаимозависимость политической коммуникации и различных составляющих политической системы существенны и динамичны. Как отмечает российский исследователь Е.В. Гуняшев, «коммуникационное пространство не безгранично, оно действует соответственно параметрам политической системы, так как каждой политической системе свойственна своя сеть политических коммуникаций и ограничение в ресурсах... Потребности политической системы в средствах коммуникации прямо зависят от ее функций в обществе, субъектов политики, способов принятия политических решений, особенностей государства и некоторых других факторов» (4, с. 4 и 6).

Не меньшую роль играет также соотношение политической коммуникации с социокультурным феноменом, что подчеркивается в работах С.А. Шомовой и К.С. Гаджиева. В частности, С.А. Шомова обоснованно считает, что параметры коммуникационного процесса «задаются не только политологическими или технологическими реалиями, но и в ходе исторического анализа — культурно заданными характеристиками: совокупностью мифологических представлений, бытующих в обществе, ритуальными и сакральными традициями, особенностями временных и пространственных отношений, развитием цивилизационных факторов (письменности, печати, электронного воздействия), и так далее» (10, с. 44). К.С. Гаджиев прямо указывает, что значительную часть политических реалий «невозможно объяснить без учета социокультурного фона политических явлений» (2, с. 75).

В данном контексте, применительно к республикам Центральной Азии, следует особо выделить роль концепции лидерства в формировании инфраструктуры политической коммуникации и практической содержательности данного процесса. Так, в диссертационном исследовании А.Е. Комилбекова предпринимается попытка ее научно-теоретической адаптации с учетом современных процессов в политической сфере. Высказывается мнение, что «лидерство - это не только стиль руководства, а способ организации власти». Оно не исключает и заменяет собой гражданское общество. Более того, предполагается, что в основе взаимоотношений лидера и гражданского общества лежат не диктат и принуждение, а принцип социального и политического партнерства. Прямая и обратная связи в политической коммуникации в этом случае должны активно функционировать. Но в то же время, прямая связь не может превращаться в инструмент безусловных директив, а обратную общество не вправе использовать для манипулирования лидером и воспрепятствования принятию рациональных решений. Основой баланса прямой и обратной связей в политической коммуникации является взаимопонимание и сотрудничество между обществом и действующим в его интересах лидером (5, с. 73).

При этом в рамках концепции лидерства политическая коммуникация рассматривается А.Е. Комилбековым во взаимосвязи с политическим менеджментом, как один из его атрибутов. Он отмечает, что «не во всех вопросах государство способно использовать право легитимного насилия. Существуют проблемы, для решения которых необходимо использование других методов, например убеждения. Не существует никакого законодательного акта, который бы заставил признать или не признать авторитет государственного деятеля, способствовал бы созданию привлекательного образа государственного учреждения, политической партии, общественной организации или группы давления, расширению числа сторонников той или иной политической программы,

управленческого проекта, формированию электоральных предпочтений населения, оказанию воздействия на лиц, принимающих государственные решения и мобилизацию масс для политической поддержки. Все это можно достичь путем осуществления именно политического менеджмента, деятельности, направленной на побуждение к действию» (5, с. 141).

Таджикские исследователи М.У. Хидирова и А. Е. Комилбеков отмечают общую тенденцию, характерную для политического развития суверенного Таджикистана: связь изменения контуров и структуры политического пространства с массовизацией общества, индивидуализацией политических предпочтений, новой ролью масс-медиа, комплекса информационных ресурсов и коммуникационных технологий, а также тенденцию всеобщей вовлеченности в политику (5, с. 78; 9).

В данном контексте в Центральной Азии особую роль играют средства массовой информации. Во введении к выпуску журнала «Демократизация», посвященному медиаландшафту в Центральной Азии, Марлен Ларуэль и Питер Роллберг подчеркивают, что «печатные и электронные медиа в Центральной Азии одновременно являются и форумом, и полем битвы между политическими программами, экономическими интересами, активистским идеализмом и прагматическим цинизмом. Через эти медиа власти Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана взаимодействуют со своим гражданским обществом, используя различные коммуникативные процессы: от подлинного диалога до беззастенчивой цензуры, от тонкого манипулирования до жестокого давления»*.

Изложенные характеристики политической коммуникации в целом свойственны всем государствам Центральной Азии, но в каждом из них они проявляются своеобразно, что обуславливает необходимость анализа политико-правовой базы в страновом ракурсе.

Список использованной литературы:

1. *Айтиева Ш.Дж. Демократические транзиты в суверенных центральноазиатских республиках: сравнительный анализ: Автореф. дисс... канд. политических наук: 23.00.02./Айтиева Шарипа Джалаловна. – Бишкек, 2011. – 28 с.*
2. *Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. 1991. - № 6. – С. 69-83.*
3. *Грачев М. Н. Политическая коммуникация: генезис концепции // Политические коммуникации XXI века: гуманистические аспекты / Материалы межвузовской научно-практической конференции, 25 марта 2002г. -М., 2002. - С. 7–15.*
4. *Гунияшев Е.В. Политическая коммуникация: в поисках универсального подхода. - МосГУ, 2012. - 8С. [Электронный ресурс]
URL:http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Guniashev_Political-Communication.pdf*
5. *Комилбеков А.Е. Политическое управление в современном политическом процессе (на материалах Республики Таджикистан): Дисс... канд. политических наук: 23.00.02. / Комилбеков Амид Ёрбекович. - Душанбе, 2014. – 167 с.*

* <http://caa-network.org/archives/5160>

6. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С.123-134.
7. Роллберг П. Нацестроительство на малом экране: Астана – моя любовь. //Медиа-ландшафт в Центральной Азии («Демократизация») – URL:<http://caa-network.org/archives/5160>
8. Сайдалиев, Д. М. Роль СМИ в процессе демократизации общества в Республике Таджикистан. Дисс... канд. политических наук: 23.00.02/Сайдалиев Додарбек Мадалиевич. - Душанбе, 2009. -139 с.
9. Хидирова М.У. Политическое поведение и его особенности. - Душанбе: Ирфон, 2007.- 109 с.
10. Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы: диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02/ Шомова Светлана Андреевна. - М., 2004.- 352 с.
11. «Электронное правительство» Казахстана: мнение премьера страны. 07.10.2014г.http://news.headline.kz/politics/elektronnoe_pravitelstvo_kazahstana_mnenie_premiera_strani.html

Reference Literature:

1. Aitieva Sh.Dzh. Democratic Transits in Sovereign Central Asian Republics: Comparative Analysis. Synopsis of candidate dissertation in politology: 23.00.02. / Aitieva Sharipa Dzhahalalovna. - Bishkek, 2011- 28pp.
2. Gajiyev K.S. Political Culture: Conceptual Aspect // Polis. 1991.- № 6.- pp.69 - 83.
3. Grachyov M.N. Political Communication: Genesis of Concept // Political Communications of the XXI-st Century: Humanistic Aspects // Materials of interuniversities scientific-practical conference, March 25, 2002. М., 2002, - pp. 7 - 15.
4. Gunyashev E.V. Political Communication: in Search of Universal Approach. - MosSU, 2012. - 8С. [Electronic resource] URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Guniashev_Political-Communication.pdf
5. Komilbekov A.E. Political Governance in Modern Political Process (on the materials of the Republic of Tajikistan). Synopsis of candidate dissertation in politology: 23.00.02. / Komilbekov Amid Yorbekovich. - Dushanbe, 2014. -167 pp.
6. Melville A.Yu. Democratic Transits / A.Yu. Melville // Politology: Lexicon / under the editorship of A.I. Solovyova. А.М.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2007. – pp..123 - 134.
7. Rollberg P. Nation-Building on Small Screen: Astana - my Love. // Media-Landscape in Central Asia ("Democratization») - URL: <http://caa-network.org/archives/5160>
8. Saydaliev D.M. MM Role in the Process of Democratization of Society in the Republic of Tajikistan. Candidate dissertation in politology: 23.00.02 / Saydaliev Dodarbek Madalievich. - Dushanbe, 2009. -139 pp.
9. Hidirova M.U. Political Behavior and its Features. Dushanbe: Cognition, 2007. - 109 pp.
10. Shomova S.A. Political Communication: Socio-Cultural Trends and Mechanisms. Doctoral dissertation in politology: 23.00.02 / Shomova Svetlana Andreevna. - Moscow, 2004.- 352 pp.
11. "Electronic Government" of Kazakhstan: Prime-Minister's Opinion. 07.10.2014г.http://news.headline.kz/politics/elektronnoe_pravitelstvo_kazahstana_mnenie_premiera_strani.html